

ГРУЗИЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

*“Земля грузин, ты так мала!
Не тыщевёрстным протяженьем
могуча ты, — а притяженьем и человека, и орла”.*
Евгений ЕВТУШЕНКО.

*“Россия защитила нашу страну
от безысходности и разорения...”*
Илья ЧАВЧАВАДЗЕ.

РОССИЯ ОГЛЯНУТЬСЯ

Распространяется бесплатно.

ДЕКАБРЬ 2024 г. №5 (23)

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ Стр. 3, 6.

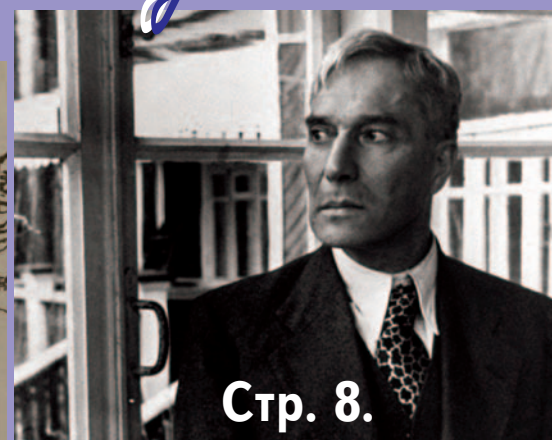

ГЕНЕРАЛ Стр. 2, 4. ВЕЛЬЯМИНОВ И ТИФЛИС

*«Вы были всем, что
я любил и видел!»*

КАРУЗО ФУТБОЛА

Стр. 8.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ!

Стр. 5, 6.

Стр. 7.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Ушел из жизни Владимир Головин. Обидно и печально, когда человек покидает этот мир в расцвете творческих сил и возможностей. Именно эти чувства испытываешь, вспоминая нашего коллегу и друга. Одна из ярких особенностей и тем творчества Володи Головина - Тбилиси, восхищенная любовь к этому бессмертному городу, его истории, воспроизводимая ярко и красочно, достоверно и убедительно, с присущими ему литературным вкусом и художественным дарованием. Володя Головин несомненно принадлежит к той плеяде вдумчивых знатоков тбилисской истории, глубоких знатоков российско-грузинских культурных взаимосвязей, творчество которого расширяет горизонты каждого, будь то рядовой читатель или серьезный специалист, кто пожелает углубиться в интереснейшие страницы родной истории. Спасибо ему за это!

Владимир Головин — поэт, журналист, заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Он — член Союза писателей Грузии, лауреат премии Союза журналистов Грузии, двукратный призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира», один из победителей Международного конкурса «Бессмертный полк — без границ» в честь 75-летия Победы над нацизмом. С 1984 года был членом Союза журналистов СССР. Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете «Russian bazaar» (США), сотрудничал с различными изданиями Грузии, Израиля, Азербайджана, России. Пять лет был главным редактором русскоязычной газеты «Головинский проспект» в Тбилиси. Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», более десятка книг в серии «Русские в Грузии».

И БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ РУБИЛИСЬ ОНИ

Владимир ГОЛОВИН

ГЕНЕРАЛ ВЕЛЬЯМИНОВ И ТИФЛИС

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Хинкальная на бывшей Вельяминовской улице в столице Грузии — место, о котором можно сказать совершенно точно: нет тбилисца, который хотя бы однажды там не побывал, кто бы не сводил туда заезжего гостя... Фраза «Пойдем на Вельяминова» стала синонимом посещения вполне определенного места, где можно вкусно поесть... В советские годы одна штука хинкали стоила 7 копеек, но продавались они по 10. Три копейки с каждой хинкалины шли таким образом в карман директора заведения, поваров, продавцов, персонала... Легко понять, что попасть на работу в хинкальную можно было по очень большому благу. Впрочем, сейчас разговор о другом — о том, что, собираясь на «Вельяминова» либо покидая его, люди все чаще задавались и задаются вопросом: а почему хинкальная «Вельяминова» и с чьим именем связано это название? Ответ на этот вопрос дает публикация Володи Головина.

Название этой улицы остается неизменным в обиходе многих поколений тбилисцев несмотря на переименования, неизбежно вносимые временем. Имя «Вельяминовская» унаследовано от старой тифлисской топонимики наряду с «Земмелем», «Воронцовской площадью», «Александровским садом»... Оно стало одной из визитных карточек современного Тбилиси, хотя улица уже многие годы носит совсем другое имя — известного писателя и актера Шалвы Дадиани. До этого были имена большевика Ладо Думбадзе, Закфедерации, общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. Но тбилисцы продолжают приглашать друг друга и обязательно своих гостей именно на «Вельяминовскую». Здесь уже многие десятилетия — самая знаменитая хинкальная грузинской

халимажа хватало с избытком, но то, что всю жизнь подчиненные уважали Алексея Александровича — непреложный факт. И Вельяминов заслужил это уважение сполна.

Первые воинские звания он обретает еще ребенком, как и многие дворянские сыновья. Родившийся в 1785 году Алексей, по традиции того времени, еще в детстве зачисляется в лейб-гвардейский Семеновский полк и в 16 лет уже имеет звание поручика артиллерии. Сегодня ничего не известно о том, где он учился, но в послужном списке будущего генерала, в графе «Познания» можно прочесть: «Грамоте по-русски и по-французски читать и писать умеет и артиллерийскую науку знает». А что еще надо офицеру-артиллеристу начала XIX века! Впрочем, вот что вспоминает

Григорий Филиппсон, который до того как стать генералом и сенатором, служил на Кавказе под началом Алексея Александровича:

«Вельяминов хорошо, основательно учился и много читал; но это было в молодости. Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей конца XVIII века. За новейшей литературой он мало следил, хотя

у него была большая библиотека, которую он постоянно пополнял. Он считался православным, но кажется, был деистом, по крайней мере никогда не бывал в церкви и не исполнял обрядов. Настольными его книгами были «Жильб-лаз» и «Дон-Кихот» на французском языке. Первого ему читали даже накануне смерти; изыщная литература его несколько не интересовала».

Однако это не имеет никакого отношения к военной карьере, которая развивается стремительно. В 19 лет Вельяминов — офицер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, через год, в 1805-м, участвует в русско-австро-французской войне и отличился даже накануне смерти; изыщная литература его несколько не интересовала. Однако это не имеет никакого отношения к военной карьере, которая развивается стремительно. В 19 лет Вельяминов — офицер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, через год, в 1805-м, участвует в русско-австро-французской войне и отличился даже накануне смерти; изыщная литература его несколько не интересовала.

Однако это не имеет никакого отношения к военной карьере, которая развивается стремительно. В 19 лет Вельяминов — офицер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, через год, в 1805-м, участвует в русско-австро-французской войне и отличился даже накануне смерти; изыщная литература его несколько не интересовала.

Однако это не имеет никакого отношения к военной карьере, которая развивается стремительно. В 19 лет Вельяминов — офицер лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, через год, в 1805-м, участвует в русско-австро-французской войне и отличился даже накануне смерти; изыщная литература его несколько не интересовала.

Михаила Баркляя-де-Толли, но потом возвращается к орудиям. «За храбрость и умение» в трехдневном сражении у городка Красный под Смоленском наш герой получает Георгиевский крест, на Бородинском поле командует артиллеристами, прикрывающими позиции Измайловского полка. А когда французские войска покидают Россию, проходит путь от штабс-капитана до полковника в добывающих Наполеона заграничных походах 1813-1814 годов

русских войск. И с триумфом, в рядах победителей входит в Париж.

В сражениях зарождается дружба с одним из самых знаменитых военачальников этой кампании генерал-лейтенантом Алексеем Ермоловым. В 1815-м в поверженной столице Франции они живут на одной квартире, и в дневнике Ермолова можно прочесть: «Я осматривал все любопытное в Париже, посещал театры, почти неразлучно был с Вельяминовым, начальником штаба моего корпуса, офицером редких достоинств, которого я называю тезкою...». Другой герой той войны, поэт-гусар Денис Давыдов свидетельствует: «Хотя характер Вельяминова был совершенно противоположен характеру Ермолова, но, отлично понимая друг друга, они находились в самых дружеских отношениях». Дружба эта настолько крепка, что, невзирая на различия в должностях, званиях и восьмилетнюю разницу в возрасте, они зовут друг друга просто по имени — Алеша. И именно эта дружба играет решающую роль в дальнейшей судьбе Вельяминова.

Чуждый пересудам и дрязгам Ермолов после возвращения в Россию не может почивать на лаврах, в среде закулисных генеральских интриг. Он рвется в «дело», в места сражений, которые сегодня назвали бы «горячими точками». То есть, на Кавказ. И вот в апреле 1816 года Александр I подписывает знаменательный приказ. Выглядит он так: «Генерал от инфантерии Ртищев по желанию его увольняется от исполняемой им ныне должности,

а на место его командиром Отдельного Грузинского корпуса назначается генерал-лейтенант Ермолов». При этом Ермолов становится еще «главнокомандующим войсками и главноуправляющим гражданской частью в Грузии и в губерниях Астраханской и Кавказской». Словом, получает всю полноту власти в этих регионах.

На таких должностях необходим верный соратник, и Ермолов пользуется тем, что в царском приказе остается вакантным место начальника штаба корпуса (который вскоре переименовывается в Кавказский). На этой должности он не видит никого другого, кроме полковника Вельяминова. И тот возглавляет штаб целых тринадцать лет! Конечно же, одной лишь штабной работой дело не ограничивается. Энергия, военный и административный таланты, огромная работоспособность Алексея Александровича всюю используются и вне кабинета. Немудрено, что через пару лет, в 32 года, он — уже генерал-майор. А о том, каким он становится в конце концов, свидетельствует все тот же сенатор Григорий Филиппсон:

«Я думаю, не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А.А. Вельяминов... Громадная память помогала Вельяминову удержать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину. Из этого никак не следует, чтобы я считал непогрешимым и признавал все его действия гениальными».

В истории Грузии есть показательный эпизод. Он относится к народному восстанию в Имерети. В конце 1818-го Александр I утверждает проект Святейшего Синода по реформе Грузинской церкви, уже потерявшей свою автокефалию. В Имерети, Гурии и Самегрело должно остаться всего по одной епархии, сокращается численность духовенства, церковное имущество надлежит описать для передачи Российской Церкви. А крестьян на церковных землях и дворян-азнаури, управляющих этими землями, предписано «перевести в казенное ведомство», то есть подчинить государству. Крестьяне пострадали больше всех — церковный налог повышается в два-три раза, да к тому же взимается не натурой, а деньгами.

Стр. 4.

На снимках: Алексей Вельяминов; Алексей Ермолов; хинкальная на Вельяминовской.

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

ВРЕМЯ
СОБИРАТЬ
КАМНИ

Рассказывая о себе, мне неизбежно придется обращаться к истории русско-грузинских отношений, как к фону. Поэтому надо выбрать какую-то отправную точку во времени или в череде исторических событий.

- Но это очень непросто. Сколько исследователей, столько и вех, от которых они отталкиваются в своих, часто исключаящих друг друга, версиях. Давай, и мы попытаемся определиться, по крайней мере, для себя.

- Хорошо. Тогда попытаемся войти в тему, так сказать, сбоку, с какой-то условной отправной точки.

... После поражения в Крымской войне с Турцией в 1856-м Российская империя долго ждала реванша, готовясь к нему и на Балканах, и на Кавказе. Такой шанс представился после аннулирования в 1871 году некоторых статей кабального для нее Парижского мирного договора.

По Сан-Стефанскому миру, в 1878 году России, как ты знаешь, отошли важные турецкие районы Батум, Ардаган, Баязет...

- Современная историография называет это событие «взятием Батуми грузинскими и русскими войсками». А в школе мы проходили, что Батум, позднее — Батуми, столица «Аджарской автономной советской социалистической республики в составе Грузии» был «нашим» всегда...

- Современную историографию сложно назвать неангажированной. А то, как в следующие десятилетия, не без участия мировых держав, была переключена карта Кавказа, нам с тобой памятно хорошо. Хотя на некоторых рубежах России удалось тогда закрепиться относительно основательно и надолго...

- Вот тогда дед и приехал на Кавказ. Раз просишь, расскажу о том времени подробнее. Чтобы противостоять ослабшей, но все еще опасной Порте, на Кавказе долго стоял приличный русский воинский контингент: в конце девятнадцатого века — уже семидесятитысячный гарнизон. Командующим номинально считался Великий князь Михаил Николаевич, фактически войсками руководил Лорис-Меликов, Шатилов, другие генералы. Расквартированы они были в Тифлисе, где находилось управление войсками округа, а также под Батумом, Кутаисом, Ахалкалаками, Эриваном и другими кавказскими городами.

- Как же такая лавина разместилась в маленьких городках, была ли какая-то предварительная подготовка?

- Конечно, этот контингент наращивался постепенно, прибывал не на пустое место. Создание здесь военной, транспортной, промышленной инфраструктуры, было начато еще в начале 19-го столетия.

- А на каком, простите, правовом основании? Понимаю, что для империи это наивный вопрос, но все же... Не в этом ли причина продолжающихся десятилетиями, если не столетиями, споров о том, было ли это колониальной, или цивилизаторской, просветительской миссией. И как прикажете исчислять ее продолжительность: с начала фактического масштабного присутствия, с более ранних контактов между Россией и Грузией или с подписания в 1783-м Георгиевского трактата, по которому

му в Грузию были направлены два батальона пехоты с несколькими пушками? Кстати, я читал, что грузины использовали эти батальоны не по назначению, для подавления своих национальных меньшинств и территориальной экспансии...

- Погоди. Ты все свалил в кучу — и по времени, и по событиям. Масштабными первыми шагами по развитию этого края или прибытие сюда двух русских батальонов с парой пушек, на мой взгляд, назвать сложно. Первым правовым основанием, несмотря на множество изъянов в нем, все-таки был Георгиевский трактат, хотя более ранние длительные контакты и договоренности между двумя династиями бесспорны. А использование Ираклием этих батальонов, ввиду противоречивости исторических сведений и их разных оценок сторонами, сложно расценивать однозначно как его отступление от договоренностей с Екатериной. Впрочем, об этом еще поговорим. Важно другое. Споры, действительно, немало. По обе стороны Кавказиони (груз. - Кавказский хребет) многим искренне жаль, что в отношении между русскими и грузинами долго и планомерно влетало много чуждого, разрушительного, наконец, просто неприличного для соседних единовременных народов.

Мы возмущаемся, что много спекулятивных наслоений, мутной пены, искажений в угоду текущим политическим амбициям, мало правды, искренности, оптимизма. Это вполне понятный человеческий подход. Но с его только помощью не разобраться.

- Похоже, те, кто должны разобраться, особо не спешат в поисках истины, чтобы строить на ней диалог. Хотя, какая, к черту, истина в политике! Лукавство и интриги — на совести живущих, а расплачиваются потомки. Верно, что историю не переписать. Но верно и то, что переписанную в очередной раз историю оспорить не просто: слишком малоперспективное занятие, когда все кричат: сам дурак, сам начал первым!

- Ты прав, историю пишут люди, поэтому она столь же несправедлива, как и они. Как не вспомнить наполеоновское: история — это ложь, придуманная победителями. Претендовать на истину, вообще, — дело неблагодарное. Но пытаться честно обсуждать то, что волнует многих, что становится все более очевидным за долгий непростой путь, пройденный вместе, пожалуй, стоит.

- Разговор у нас с тобой складывается интересный. Предполагаю, что первопричины нынешнего, как мне кажется, немного трагикомического, русско-грузинского противостояния возникли не сразу. Они, наверное, зарождались давно, еще во времена первых, как-то осознанных и обусловленных экономически и духовно, контактов между купцами, путешественниками, священниками, простым людом, на почве разных традиций, менталитета. Еще до закрепленной в Георгиевске «воли народов» к объединению — пожалуй, со времен установления Грузией первых торговых связей с Киевской Русью при Давиде IV, которые потом переросли в какие-то политические отношения при его правнучке Тамар.

- Если так, то надо признать, что уже первый опыт тесного сближения не был удачным. Я имею в виду «исторические

Лео КАЛТЕЛИ

Редакция продолжает публикацию диалогов Лео Калтели, переносящих нас в глубины исторических и культурных российско-грузинских взаимосвязей.

Автор родился и вырос в столице Грузии, впитал в себя самобытную тбилисскую культуру, долгие годы работал за рубежом, сохраняя к родине самые теплые чувства. Взгляд Лео Калтели на действительность, конечно, может вызвать дискуссии. Однако ценно другое. Автор — востоковед, написавший несколько очерков по этнографии народов Ирана и Южного Кавказа, довольно взвешенно и объективно подходит к взаимоотношениям между народами, ничего не утверждает и не навязывает своих взглядов, лишь приглашает к самостоятельным размышлениям.

свидетельства» о скандальном браке Тамар по политическому расчету с князем Юрием Боголюбским (Георги Руси) в начале двенадцатого века, который, якобы, вскоре распался, оставив первый негативный след в отношениях между двумя элитами. В Грузии этот период обычно либо умалчивали, либо говорили о нем с некоторой неприязнью и брезгливостью.

- Но надо вспомнить, что вопрос о браке Тамар решался на госссове с участием многочисленных матушек и советников грузинского двора. А после его распада Юрий не был выдворен в Россию, а был направлен грузинской царицей в почетную и безбедную ссылку в Константинополь. То есть, политес соблюдался и тогда.

- Возможно. Во всяком случае, полагаю, что почти через шесть столетий после той «одиночной дипломатии» посланец русской императрицы Потемкин, подписывая трактат в Георгиевске, все-таки действовал в русле вполне осознанных планов сильной, дееспособной империи. Империи, способной себе позволить вложение избыточного военного, экономического и людского ресурса в нужную ей, как форпост, территорию.

- А что, на сей счет есть сомнения?

- Есть. Сейчас некоторые утверждают, что Россия согласилась на тот союз лишь после «долгих и настойчивых уговоров» грузинской знати. Это напоминает еще недавние спекуляции по поводу ввода наших войск в Афганистан, якобы, исключительно «по многочисленным просьбам местных просоветских группировок». Я думаю, что такие государственные решения, хотя они иногда со временем признавались ошибочными и до конца не просчитанными, тем не менее, всегда принимались по более веским и прагматическим соображениям.

Теперь выдвигаются разные гипотезы о причинах нынешнего российско-грузинского противостояния, делают даже попытки объяснить их «политической моделью выживания Грузии», теориями поведения государств Макиавели, этногенеза Гумилева и т.п., чтобы упрекнуть грузин в «этническом» коварстве, двуличии... Но это вряд ли корректно и продуктивно, потому как наводит тень на наши отношения и со многими другими народами как вокруг, так и внутри России. Не лучше ли задать простые вопросы: могло ли устраивать Российскую империю, что к концу 16-го столетия соседняя православная Грузия полностью контролировалась на-

шими противниками — Турцией и Персией? Своевременно ли строить футуристические конструкции образования в Закавказье «новой геополитической реальности» в свете переговоров между странами этого региона, с Турцией и Ираном, наконец, с Западом, по тлеющим здесь межнациональным конфликтам, по энергоресурсам, коммуникациям, в то время как мы в своей позиции по Южному Кавказу так и не определились? Наконец, уместно, выгодно ли России сегодня предвещать «распад» Грузии по национально-территориальному признаку?

- Погоди, но ведь еще в перестройку очень многие, в том числе академик Сахаров, предсказывали Грузии распад, если она не откажется от имперских замыслов в пользу конфедерации?

- Сахаров вряд ли знал, как будут развиваться события лет через двадцать, законы физики не всегда объясняют геополитический вектор. В годы перестройки сказано и сделано много утопичного и откровенно вредного для поиска российского исторического пути. Высвободившаяся энергия была бездарно потрачена на пустую риторику, шельмование прошлого и друг друга.

Однако продолжу. Грузинская же сторона договоренностей в Георгиевске в лице князей Иоанна Багратиона, Гарсевана Чавчавадзе и архимандрита Гайоза, подписывая по поручению Ираклия II трактат, действовала, как это ни оценивай, по необходимости. Как теперь говорят юристы, — в силу стечения крайне неблагоприятных обстоятельств. Хотя не отрицаю, грузинские цари неоднократно пытались установить с нами контакты и ранее. — Как помню, за этим, без преувеличения, историческим событием последовали летописания «лучшими умами» обоих государств. Особенно, понятно, российского. Были эти летописи, однако, ни чем иным как идеологической шелухой, припудриванием явной разницы в неравном браке: от ангажированных и сонных церковных хроник — до восторженного лермонтовского «... за гранью дружеских стыков»... Есть в римском праве Crimen Laesae Majestatis — оскорбление величества, достоинства, применимое к преступлениям против государства. Впрочем, как всё в праве, оно может быть истолковано и шире, в общественно-политическом смысле. Ираклий, посылая делегацию в Георгиевск, действовал против воли значительной части элиты

И БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ РУБИЛИСЬ ОНИ

ГЕНЕРАЛ ВЕЛЬЯМИНОВ И ТИФЛИС

Бывший архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт Русанов, назначенный митрополитом-эксархом, то есть высшим духовным лицом в Грузии рьяно берется за установление новых порядков. В 1819 году он отправляет в Имерети сотрудников синодальной конторы, которые ничего не объясняя, без разрешения местных епископов закрывают церкви, сокращают количество приходов, изгоняют священников и «раду ют» народ объявлениями о замене натуральных налогов денежными. Потом в центр региона, в Кутаиси, прибывает и Феофилакт Русанов, дабы лично руководить процессом и ускорить его. Мудрый Ермолов признается: «Митрополита Феофилакта не раз предупредил... что... власти не в полном действии и им не полное оказывается повиновение, и что простой народ... легко может быть возбужден к беспокорности, и надобно будет прибегать к мерам крайним для укрощения».

Эксарх к предупреждениям не прислушивается, и ермоловский прогноз сбывается. В июне 1819 года возмущенные церковной реформой имеретинцы поднимают восстание, которое перекидывается и на Рачу. С требованиями отменить преобразования и выдворить из региона эксарха Русанова перекрываются дороги и занимают сторожевые посты. Ермолов в это время находится на Северном Кавказе, его обязанности исполняет Вельяминов, и именно он отказывается от предложений сразу же отправлять войска, как это следует во время «бунта». Алексей Александрович посылает в Имерети обращение к населению, заверяя, что опись церковного имущества прекратится, вновь открываются церкви, в них вернутся священники, а Русанов уедет в Тифлис. Слово свое он держит: «преобразования» прекращаются, а эксарх покидает Кутаиси.

Однако, как говорится, «поезд уже ушел»: начинается новая стадия восстания, от церковных требований все слои населения переходят к политическим — освобождению страны от российского господства. Но согласитесь, стремление Вельяминова обойтись миром показательно. К тому же именно «с его подачи» царское правительство стало с осторожностью относиться к подобным реформам в Грузии.

Тандем Ермолов-Вельяминов действует вплоть до петербургского восстания декабристов, после которого новый император Николай I с большим недоверием относится к назначенцам своего предшественника. В том числе и к Ермолову, подозреваемому в связях с декабристами, хотя доказать это не удается. И когда летом 1826 года Ермолов докладывает, что персидские войска вторглись в Закавказье и идут к Тифлису, царь отправляет в «горячую точку» своего фаворита, генерала от инфантерии Ивана Паскевича, передав ему командование Кавказским корпусом. При этом формально Паскевич подчиняется Ермолову, значит, личная вражда между двумя военачальниками неизбежна. И перед решающим

сражением с персами под Елисаветполем (нынешняя Гянджа) Паскевич не доверяет советам ермоловских сподвижников во главе с Вельяминовым.

...Орудия персов уже всюду обстреливают русских, а Паскевич все еще в раздумье. Вельяминову, докладывающему, что пора переходить в атаку, он сурово заявляет: «Место русского генерала под ядрами». Не говоря ни слова, Алексей Александрович выезжает на пригорок перед позициями, расстилает бурку и ложится на нее. Не обращая внимания на то, что под его сопровождением уже гибнут лошади. А на вопрос, что он делает, отвечает «своею неподражаемою флегмою»: «Я исполняю приказание находиться под ядрами».

Наступление все-таки начинается, противник разгромлен, и вскоре Вельяминов пишет товарищу: «13-го числа разбили мы у Елисаветполя самого Аббас-Мирзу, который бежал за Аракс не оглядываясь. Теперь все ханства очищены. Без сомнения, все будет приписано теперь Паскевичу, но ты можешь уверен быть, что если дела восстановлены, то, конечно, не от того, что он сюда прислан, а несмотря на приезд его». За это сражение он получает орден Святого Георгия 3-й степени, но при Паскевиче ему уже не служить. Ермолова отправляют в отставку, и его друг Алеша отказывается от руководства штабом.

Командуя пехотной дивизией, он сражается с турками на Балканах. О дальнейшем лучше всего рассказывает военный историк Василий Потто: «Вельяминов появляется опять на Кавказе, но уже облеченный безусловным доверием фельдмаршала, — так многие годы войны радикально изменили взгляды Паскевича на предшествовавшую ему эпоху и на ее деятелей. Вельяминов, принадлежавший к числу тех людей, для которых почти не существует собственного «я», а есть только долг, исполнение службы да готовность принести себя всецело на алтарь отечества, не колеблясь, принял предложение фельдмаршала».

Идет 1831 год. Вельяминов, уже генерал-лейтенант, становится командующим войсками Кавказской линии и Черноморья, начальником Кавказской области (Северного Кавказа). Выдающийся военный деятель Федор Торнау, начинавший службу на Кавказе при Вельяминове, так описывает его: «Алексей Александрович Вельяминов бесспорно принадлежал к числу наших самых

замечательных генералов. Умом, многосторонним образованием и непоколебимою твердостью характера он стал выше всех личностей, управляющих в то время судьбами Кавказа. Никогда он не кривил душой, никому не льстил, правду высказывал без обиняков, действовал не иначе как по твердому убеждению и с полным самозабвением, не жалея себя и других, имея в виду лишь государственную пользу, которую, при своем обширном уме, понимал верно и отчетливо. Никогда клевета не дерзала прикоснуться к его чистой, ничем не помраченной репутации. Строгого, с виду холодного малоречивого Велья-

минова можно было не любить, но в уважении не смел ему отказать ни один человек, как бы высоко он ни был поставлен судьбой. Я не встречал другого начальника пользовавшегося таким сильным нравственным значением в глазах своих подчиненных. Слово Вельяминова было свято, каждое распоряжение его безошибочно; даже в кругу самонадежной и болтливой военной молодежи, приезжавшей к нам из Петербурга за отличием, признавалось делом смешным и глупым разбирать его действия».

«Никому не льстил...» Более того, он прямо противостоит самому высокому начальству, если оно действует в противоречии с его жизненными принципами.

Вот Вельяминов получает официальный документ с просьбой обеспечить безопасность колонн со спиртом с заводов министра иностранных дел, вице-канцлера, графа Карла Нессельроде. Ответ категоричен: «Не вижу причин, почему бы следовало принимать исключительные меры для вице-канцлера, когда для других этого не делается». А это — уже прямое противостояние с самим Николаем I. От имени царя поступает проект ведения военных действий на Черноморском побережье. Вельяминов дерзает «самым положительным образом опровергнуть пользу присланного проекта и два раза отказаться от его исполне-

ния». В третий он отвечает на высочайшее повеление так: «Если государь император и на этот раз не удостоит на основании моих докладов и фактов ошастливить меня отменой сказанного проекта, то прошу назначить на мое место другого, более способного и сведущего генерала, ибо по долгу совести я не могу принять на себя выполнение меры, которая, по моему убеждению, должна принести только один вред для края, отданного мне в управление. Присягая государю, я обещал не только повиноваться, но и хранить славу и соблюдать интерес его величества». И царь уступает.

А каков же в быту этот убежденный холостяк, которого многие считают странным за нелюбовь к публичности, и встречу с которым Александр Грибоедов, читавший ему «Горе от ума», называет «наипрекраснейшим открытием достойного человека»? В походах он одет в короткий серый сюртук (подобно Наполеону), любит размышлять, сидя на барабане, значительную часть свободного времени проводит с собаками: «В минуты досады только собака могла развеселить его своими ласками. Ей позволялось прыгнуть на него с грязными лапами, замарать платье, лизнуть куда попало; он начинал ее гладить, называть по имени, и пасмурное лицо его прояснялось». Полы его палатки всегда подняты, и по вечерам видно, как он читает книгу на походной кровати.

В Ставрополе, где размещается его штаб-квартира, дом Вельяминова открыт для любого офицера, он приказывает, чтобы все приезжающие в город, от прапорщика до генерала ежедневно обедали у него. «Это право распространялось и на некоторых разжалованных в солдаты, а по табельным дням к обеду имели право приходить без приглашения все местные офицеры и гражданские чиновники. Сам Алексей Александрович обычно обедал отдельно, а затем выходил к гостям и участвовал в общем разговоре», — сообщают современники.

Кстати, о «некоторых разжалованных в солдаты». Речь идет о сосланных на Кавказ декабристах — М. Назимове, М. Нарышкине, В. Норове, В. Толстом, А. Бестужева-Марлинском и других. Генерал покровительствует им настолько, что разрешает ездить для поправки здоровья на Кавказские минеральные воды, и при первой же возможности ходатайствует о боевых наградах для них. Поэта Александра Полежаева, отправленного на Кавказ в солдаты за крамольные стихи, Вельяминов берет в поход и успешно представляет к «возвращению унтер-офицерского звания и дворянского достоинства». А Полежаев воспевает его в поэме «Чир-Юрт»: «...Он любит дело, а не слово... / С душою доброю — он строг; / Судья прямой, но не суровый, / Бесстрастно взыщет он за долг /... Всегда один, всегда покоен; / Походом, в стане пред огнем, / С замерзлым усом и ружьем / Нередко греется с ним воин...».

Значительную роль играет Вельяминов и в судьбе Михаила

Лермонтова, сосланного на Кавказ. Поэт вспоминал, что «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани» и известно, что генерал специально говорил с командующим Отдельным Кавказским корпусом бароном Григорием Розеном, «насчет Лермонтова», который, кстати, был внучатым племянником друга Вельяминова по Бородинскому сражению Афанасия Столыпина — брата бабушки поэта. Лермонтов не раз бывал в ставропольском доме Алексея Александровича, изобразил его в своих зарисовках, а некоторые историки считают, что Михаил Юрьевич участвовал и в одной из военных экспедиций во главе с Вельяминовым.

Да, этот генерал был строгим и необщительным, но в войсках его буквально обожали. Его «спасибо» было лучшей наградой для солдат, чувствовавших заботу. Он и умер потому, что в трудную минуту оказался рядом с «нижними чинами». В одном из походов 53-летний генерал, стремясь поддержать уставших солдат, около шести часов простоял вместе с ними по колено в снегу. После этого его здоровье было окончательно подорвано «тяжкой водяной болезнью». Вернувшись в Ставрополь и чувствуя скорый уход, отдает последние распоряжения, пишет завещание и даже предупреждает близких и начальство о... дате своей смерти. Допустив ошибку лишь на день в этом печальном предсказании, он умирает в марте 1838 года. После обеда с офицерами, отправив их на службу и оставшись наедине со штабным лекарем Николаем Майером. Это — друг Лермонтова, сосланный из-за близких отношений с декабристами, прототип доктора Вернера в «Герое нашего времени». Алексей Александрович не раз заступался за него перед жандармами уже и в ссылке.

В военной науке того времени остались разработанные Вельяминовым правила следования рекрутских партий по безлюдным степям, проект управления казачьими войсками, правила ведения боевых действий в горах и горная артиллерия, для которой он лично создал легкие и прочные лафеты, так и названные «вельяминовскими». В топонимике Кавказа его имя исчезло. Форт Вельяминовский — теперь город Туапсе, Вельяминовская улица в Ставрополе ныне носит имя Дзержинского, и мало кто вспоминает в тех городах эту фамилию. А в устах тбилисцев она живет, причем отнюдь не из-за военных успехов.

Кстати, Алексей Александрович ни разу в жизни не ел ни хинкали, ни другой вкуснятины, подаваемой в подвальчике, увенчанном его именем. Любимым блюдом этого человека был (простите, современные гурманы) откормленный молоком уж-желтобрюх под каким-то особенным соусом. Что ж, у каждого времени — свои герои, в том числе и в кулинарии.

Владимир ГОЛОВИН.

На иллюстрациях: «Сражение под Елисаветполем» — работа худ. Франца Рубо; Иван Паскевич.

ПРАВДА ЖИЗНИ В ФОТОГРАФИЯХ

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ!
ИСТОРИЯ ОДНОГО ФОТОАТЕЛЬЕ

В 1873 году на Эриванской площади во дворе здания «Общества Взаимного Кредита», переехавшим из Кутаиси в Тифлис фотографом Владимиром Баркановым было открыто фотоателье (фото 1).

В его мастерской было сосредоточено самое лучшее и новейшее европейское оборудование, которое позволяло легко и быстро выполнять любую фотоработу. У него работал художник, рисовавший с фотографий портреты масляными, акварельными

нальный фотограф грузинского происхождения.

Александр Роинашвили родился в 1846 году в Душети. В возрасте 14-и лет, сменив несколько школ и мест работы, он был устроен родственником в тифлискую мастерскую Ф.Хламова, занимавшегося фотографией и иконописью. Ремесло фотографа очень понравилось Александру и он быстро стал основным помощником мастера. Примерно через пять лет сотрудничества Хламов подарил своему ученику и помощнику комплект

фотоаппаратуры для своего собственного дела и в начале 1860-х годов Роинашвили открыл собственную мастерскую, а в 1893 году, как уже было сказано, приобрел и бывшую фотомастерскую В.Барканова.

Под вывеской А.С.Роинашвили ателье просуществовало до 1898 года — до кончины фотографа (фото 2). А. Роинашвили — автор фотографий выдающихся деятелей грузинской культуры. Проводить его в последний путь (фото 3) пришли многие сотни горожан.

Свои архивы и коллекцию Роинашвили завещал «Обществу по распространению грамотности среди грузин», а непосредственно ателье стало работать под эгидой «Тифлиского общества фотографов любителей» (в частности в 1904 году на вывеске над входом в ателье красовалась фамилия Т.Момцелидзе — одного из членов «Общества»).

Однако «Общество» не справилось с управлением этим наследством и терпело убытки. В 1905 году ателье было закрыто и вместе с коллекцией фотоснимков и негативов выставлено на продажу.

Архив и ателье А.Роинашвили были приобретены его коллегой «по цеху», известным фотографом, ориенталистом и этнографом Дмитрием Ивановичем Ермаковым (фото 4).

Отлично понимая ценность архива, Д.И.Ермаков принял все меры для его сохранения. Велико наследие, оставленное после себя самим Дмитрием Ивановичем. Самая большая коллекция его архива хранится в Национальном музее Грузии. Часть фотографий собрана в Санкт-Петербургском этнографическом музее. Есть коллекции в музеях Тегерана, Амстердама, Парижа...

Гурам БРОДЗЕЛИ.

и анилиновыми красками. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов Владимир Барканов служил военным корреспондентом на Кавказском фронте.

К 1880 году он уже был опытным фотографом, и портреты, сделанные им, отличались поразительным сходством и эффективным освещением. Он лично руководил всеми работами. В 1881 году на выставке в Тулузе, Франция, Владимир Барканов был награжден «Дипломом прогресса». Он был участником многих экспе-

диций, готовым совершать дальние путешествия с неудобным снаряжением, преодолевать любые трудности.

Скончался В.Барканов в Тегеране в 1892 году во время одной из таких экспедиций.

Владимир Барканов внес большой вклад в развитие этнографической фотографии. Его фотографии хранятся во многих музеях, в том числе и в Литературном музее в Тбилиси.

Некоторое время после смерти В.Барканова деятельностью этого ателье управляла его супруга,

однако в 1893 году ателье вместе со всем оборудованием было продано. Покупателем его стал

фотограф-этнограф и коллекционер Александр Роинашвили (Роинашвили) — первый профессио-

КАТАЛОГИ ЕРМАКОВА

алье тоже нет. По некоторым данным, первое фотоателье Ермакова открылось в конце 60-х годов XIX века. Известно лишь, что открыл его Ермаков вместе с художником Колчиным и оно располагалось на бывшей Дворцовой улице. Ателье выполняло кабинетные портреты, которые горожане называли «визитками», в те времена в Тифлисе на них была настоящая мода. Популярность этого заведения была так высока, что в 1870 году открылось ещё одно ателье Ермакова — на Головинском проспекте — в доме Мдивани, напротив 1-й классической гимназии, которое просуществовало долгие годы.

Судя по всему, страсть к путешествиям проявилась у Дмитрия Ермакова довольно рано, как и увлеченность фотографией. Трудно сказать, как он всё успевал, но уже в 1870 году, т.е. когда ему было 25 лет, в Петербург отправился его первый фотоотчет о Кавказе, который вызвал огромный интерес членов Русского географического общества.

Уже в 1874 году Дмитрий Иванович Ермаков получил награду Французского фотографического общества. Его начали приглашать в экспедиции, и каждая из них становилась настоящим открытием новых мест для широкой публики.

Русско-турецкая война (1877-1878 г.г.) несколько изменила планы Ермакова. Он был направлен в действующую армию в качестве военного топографа. Конечно, он взял с собой аппаратуру и события тех лет также нашли отражение в его фотографиях.

По окончании войны, Ермаков снова вернулся к любимому делу, и в том же году (1878) получил награду Московской антропологической выставки. Его экспедиции стали систематическими, но сложные походы условия требовали совершенствования фотографической техники. Взяв за основу известные образцы, Дмитрий Иванович сконструировал свои, принципиально новые объективы и усовершенствовал походную лабораторию, что сделало фотографию более качественной и позволило снимать в сложных походных условиях.

Дмитрий Иванович постоянно изучал языки, что упрощало общение с очень разными людьми и помогало в работе. В зрелом возрасте он владел уже десятью языками и наречиями.

География его путешествий поистине впечатляет: Грузия, Армения, Северный Кавказ, Крым, Персия, Турция, Средняя Азия, Ближний Восток... Работая в Персии он даже получил звание личного фотографа персидского шаха.

Отовсюду, где бы он ни побывал, Дмитрий Иванович привозил сотни фотографий археологических раскопок, старинных храмов и построек, этнографический материал, множество портретов. Он также фиксировал все значимые события, при которых присутствовал. Весь этот огромный фотоматериал, без преувеличения, можно назвать бесценными документами времени, дающими богатую пищу не только любителям фотографии, но и людям науки: ученым, исследователям, этнографам. Эти фотографии и сегодня имеют огромное значение для изучения Кавказа. За работу «Материалы по археологии Кавказа» Ермаков был удостоен медали 10-й международной фотографической выставки в Париже.

В 1896г. выходит из печати «Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии и европейской и азиатской Турции», а затем - в 1901 году дополнение к этому изданию т.н. «Каталог Ермакова».

В общей сложности оба эти издания составили 25556 негативов, в том числе стереоскопов. В 127 альбома вошли снимки, сделанные в Грузии, Турции, Армении и на Северном Кавказе.

Дмитрий Иванович Ермаков (1845-1916) — несомненно, одна из знаковых фигур Тифлиса конца XIX — начала XX веков, сохранивший для нас облик города в фотографиях.

Есть упоминания о том, что Дмитрий Ермаков закончил 1-ю мужскую классическую гимназию, а затем получил специальность военного топографа. Если с гимназией понятно, то вопрос — где он получил специальность топографа, не совсем ясен, потому что в Тифлисе тогда ещё не было подобных специальных учебных заведений.

Точной даты открытия первого фотоате-

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

ВРЕМЯ
СОБИРАТЬ
КАМНИ

и свободолюбивых настроений в своем Картл-Кахетинском царстве. Он не мог не осознавать остроты этого драматического шага, его непростые последствия в перспективе. Многие князья тогда, как и в прежние попытки грузинских царей наладить контакты с северным соседом, считали, что он идет на необдуманный поступок.

- Понимаю твои рассуждения. Следуя им, можно предположить и дальнейший ход событий. Оскорбленное достоинство долго рвалось наружу, стремясь разорвать крепкие железные обручи на бродившей бочке с кахетинским. Десятилетиями позже, когда «добровольно» присоединилось и Имеретинское царство, забродило и молодое имеретинское. Вся эта забродившая масса выплескивалась более двух столетий в виде неповиновения князей, духовенства, интеллигенции русскому престолу и православию, то немного затухая, то вздымаясь вновь.

- Ты полагаешь, что продолжившись и в советские годы настроения неповиновения имели ту же природу?

- Уверен! Историческая память в политизированной Грузии, стране с приматом государственных ценностей, очень сильна. Забродившая масса переливалась через края с приходом в 1920-х коалиционного правительства Жордания, со стремительным и дерзким восхождением к высшей власти Сосо Джугашвили с соратниками, с репрессиями против оппонентов в 1930-х, унесшими тридцать тысяч жизней, в студенческих, пусть и менее кровавых, волнениях в Тбилиси в 1956-м и в 1978-м. Она сочилась из двусмысленных подтекстов «великого советского классика» Константина Гамсахурдиа, а затем уже мощно извергалась из пламенных уст его сына Звиада, заполняя проспект Руставели во время столкновений с войсками в апреле 1989-го, и продолжала бурлить всегда. Она перетекала в русло «розовых» преобразова-

ний, в постоянные демарши в залах СНГ, в демонстративные братания с обиженными «младшими братьями» — от Киева до Бишкека, и... уносила Грузию на своих волнах к новым далеким берегам (как в поговорке: чем дальше, тем роднее), унося ее от берегов близких...

- А что же Петербург, а потом и Москва, неужели они всего этого не видели, не понимали?

- Думаю, что они, как всегда, созерцали все это своим особым, российским взглядом — то просвещенным, как у наших монархов, то с хитрым ленинским прищуром, то коварно лисьим сталинским, то поросянчиими глазками, наполненными патологической ненавистью к Хозяину, одного из бывших танцоров гопака на его кунцевских посиделках... А то и никаким, будучи больше заняты делами поважнее. Видеть привыкли то, что хотелось видеть, слышали — лишь то, что говорилось...

- Но чего стоило одно шева�днэзевское: «Для Грузии солнце встает на Севере!», которое, помню, вызвало взрыв негодования в Грузии, но осталось незамеченным у нас. Мне кажется, что именно такие, как он, веками развращали патриархальное и благородное грузинское самосознание, приучая его ко лжи и лисьим ужимкам ради достижения цели...

- Возможно, ты прав. Позднее Католикос-патриарх Грузии Илия II признавал: «Прежде, чем увидеть восходящее солнце, ты видишь своего соседа». У Шеварднадзе же получилось по Абу эль-Фараджу: то, что скрываешь от врага, не сообщай и другу, ибо нет гарантий, что дружба будет длиться вечно...

- Да, погорячился тогда Эдуард Амвросиевич в порыве своей «любви» к Северу. Правда, вскоре исправился. Помнишь его «приговор» 1989 года: в событиях на проспекте Руставели «виноват генерал Родюнов, не любящий грузинский народ», которому, по его словам, следовало бы поучиться любви к грузинам у...

наместника императора Воронцова-Дашкова, «установившего за десять лет пребывания на Кавказе самые добрые отношения с грузинской интеллигенцией, народом».

- Ха! Историк Ландау, помнится, писал нечто другое: на Кавказе Воронцов-Дашков пользовался популярностью у армянского населения, а грузины относились к нему настороженно из-за его репутации армянофила. В политике он руководствовался исключительно интересами России, за что грузинские социал-демократы называли его «русский Рейнке-лис»... Так что, похоже, не только география, но и история похрамывала у выпускника исторического факультета Кутаисского пединститута.

- Я слышал, что когда Шеварднадзе, родившийся в деревне Мамати в Гурии, сменил Звиада, грузины, как всегда и по любому поводу, бесшабашно шутили: мегрелы наелись, вернулись гурийцы — доедать то, что не успели раньше...

- Да, грузины обладают удивительно точным юмором, который понятен, если больше с ними общаешься. С первого взгляда, он кажется немного местечковым — кутхури, как они сами говорят. Лишь со временем понимаешь, насколько он универсален и глубок.

Вернемся к Гамсахурдиа — старшему, обласканному Страной Советов, возведенному в классики и награжденному высшими государственными наградами. Пролетариат, по призыву партии большевиков, его буквально боготворил. Не ведал тот пролетариат, что дворянин по происхождению, их кумир всем своим творчеством и мировоззрением был связан с древнегрузинским миром...

- Собственно, почему бы нет, — не с русским или армянским же!..

- Дослушай: а также с эллинским миром и традициями монархизма, много лет учился в Германии, был членом партии социал-федералистов, всегда выступал

за независимость Грузии. Всю свою жизнь оставался оппозиционером.

- Видать, было к кому и к чему.
- «Любимый пролетариатом» писатель с презрением относился и к большевикам, и к самому их «пролетариату», в 1920-х сидел на Соловках, правда, всего год, потом — «раскался». Не усек тот пролетариат, что главная идея творчества его кумира: восторжествовавшее варварство уничтожает под корень грузинскую культуру и национальное сознание.

- Что же тут странного для грузинского писателя, да еще при современном взгляде на вещи? Ведь тогда позволялось читать и ставить мудрого Булгакова с его предупреждениями о грядущем хае и обоссанных подъездах. Ведь тема «Белой гвардии», например, вполне созвучна позиции Гамсахурдиа...

- Булгаков-то не был столь пригрет этой властью, столь пассивен, не жаждал с горящими глазами горца восстановить погранный Ираклием и его выдающимися последователями мир, что десятилетиями расплавлялся вставшим на Севере солнцем!

- Но мы опять уходим от отправной точки — Георгиевского трактата...

- А ты уверен, что это и есть отправная точка для рассуждений?

- А какая же еще?!

- Думаю, надо рассматривать более длительный период, как минимум, с принятия Грузией христианства в IV веке, хотя на Черноморское побережье Грузии христианство пришло гораздо раньше, чуть ли не в I веке. При этом заметь, есть поэтическое, если хочешь, легендарное, восприятие истории, так сказать, — для туристов. А есть и другое — на основе геополитики.

- А что было до христианства, ислам что ли?

- Нет, мой друг, он возник на Аравийском полуострове тремя веками позднее. Было язычество, которое потом еще долго сохранялось в отдаленных горных селениях Грузии как часть народ-

ных верований, лишь приспособившись к новой религии, приняв его внешние признаки. Поэтому, кстати, традиции и обычаи в разных уголках этого края до сих пор такие самобытные и красочные.

Опустим красивую легенду об охотящемся в лесу, на том месте, где теперь Тбилиси, Вахтанге Горгасале, о подстреленном им фазане, или олене, который попал в теплые серные источники (теплый по-грузински — тбили), что объясняет происхождение названия города) и то ли сварился, то ли исцелился.

Все последующие, века, как собственно и предыдущие, были наполнены трагизмом.

Итак, по разным данным, в 324 - 326 годах Грузия принимает Крещение. В «Житии св. Мириана» описывается обращение царя в христианство. Поводом к этому послужило чудо во время охоты на горе Тхоти (около современного г. Каспи), в окрестностях Мцхеты: внезапно потемнело небо, спутники царя разбежались, а царь вознес тщетные молитвы языческим божествам, затем воззвал к «Богу Нино», обещая в случае спасения принять христианство, и в тот же момент он увидел свет. Царь исповедал Христа перед святой Ниной и направил письмо о желании принять крещение царице Елене и ее сыну царю Константину I Великому, который прислал в Картли епископа Иоанна, священника Иакова и диакона. Царица Елена передала в дар частицу Животворящего Древа. Царь и двор были крещены немного ранее, а затем в Мцхете, у слияния рек Арагви и Мтквари (Кура), был окрещен народ. Ежегодно, 1 октября, грузинская православная церковь отмечает Светицховлоба — древний праздник, восходящий к времени Крещения Картли: в этот день католикос-патриарх Грузии совершает в водах Арагви и Мтквари массовое крещение народа.

Лео КАЛТЕЛИ.

На снимке: Георгиевск. Памятник в честь подписания Георгиевского трактата.

КАТАЛОГИ ЕРМАКОВА

Ещё 36 снимков Дмитрия Ермакова вошли в превосходно изданный альбом «Зеркало Кавказа» в 1902 году.

В 1903 г. при Петербургском музее Его Императорского Величества Александра III, открылось Кавказское этнографическое отделение. Среди его первых экспонатов были 500 фотографий, приобретенных музеем у Ермакова.

Несколько тематических альбомов были переданы Ермаковым в музей Парижа и Лондона.

Интерес к работам Ермакова был огромен. Литографии и открытки «Фотографии Д. Ермакова в г. Тифлисе» расходились массовыми тиражами. За ним прочно закрепилась слава фотографа высочайшей культуры, признанного мастера фотографии и исследователя Кавказа. Только церковные древности Кавказа, снятые, систематизированные и пронумерованные Ермаковым, составляют около 20 тысяч негативов.

Член-корреспондент Кавказского общества изящных искусств, действительный

член Кавказского Археологического общества, Дмитрий Ермаков был отмечен наградами Ирана, Турции, Италии, Бельгии, России, Германии... Но даже всеобщее признание не стало поводом отказаться от сложных, а порой и опасных походов. Уже будучи человеком пожилым, в 1912 году, он отправился с экспедицией в Сванети, откуда привез около 900 снимков.

И, конечно, не оценим труд Ермакова, который дает нам возможность увидеть старый Тифлис. Необычайно добросовес-

тно сделанная работа, сегодня является бесценной летописью города XIX — начала XX века. Многие из того что было разрушено, сохранилось для нас только благодаря его прекрасным фотографиям. Надо сказать, что город оценил своего достойного сына, присвоив ему звание Почетного гражданина Тифлиса.

Дмитрий Иванович Ермаков скончался в 1916 году в Тифлисе. Ему был 71 год. Похоронен он на Кукийском кладбище.

Аида БАБАДЖАНОВА.

ЗА ЧЕСТЬ ОБЩЕГО ФЛАГА

Валериан РОГАВА

КАРУЗО ФУТБОЛА

26 апреля 1975 г. меня ожидал приятнейший сюрприз. Выдающийся советский футболист Борис Соломонович Пайчадзе, которого с полным на то основанием называли Карузо футбола, пригласил меня на свой 60-летний юбилей. У меня по сей день хранится текст этого приглашения. Официальная часть торжества состоялась в здании тбилисской филармонии, а дружеский ужин - в ресторане «Исинди», расположенном в тбилисском районе Сабуртало (Сабуртало - историческое название бывшей окраины столицы Грузии и означает, место для игры в мяч. - В.Р.), располагавшемся в те годы на территории Тбилисского ипподрома. У нас с Борисом Соломоновичем, в период моей работы в Грузсовете «Динамо», да и после переезда в Москву были и сохранились очень теплые дружеские отношения. Однако, если честно, я не думал, что тогда, на «втором отделении» этого юбилейного праздника буду в числе приглашенных гостей. Разве мог я подумать, что, во-первых, стану участником праздничного, юбилейного застолья лучшего футболиста Грузии и, во-вторых, - буду сидеть рядом с Гайозом Джемелавой и Григорием Гагуа, Михаилом Минаевым и Гиви Хочолава, Сергеем Шудра и Автандилом Пайчадзе, Михаилом Бердзенишвили и Гоги Антадзе, Ниязом Дзаяшпица, Карло Гагидзе и многими другими легендами грузинского футбола тридцатых, сороковых и пятидесятых годов прошлого века? Я почитал за счастье видеть их в играх чемпионата СССР, но оказаться с ними за одним столом - тогда было за пределами моей фантазии.

Кстати, незадолго до этого я поздравлял с 60-летием одноclubника Бориса Соломоновича - Михаила Бердзенишвили. Это произошло на весьма многолюдном совещании в актовом зале Первомайского (ныне Чугуретского) райкома партии в Тбилиси. На совещании от первичной парторганизации спорткомплекса «Динамо» присутствовал ее секретарь Михаил Ираклиевич Бердзенишвили, а от Грузсовета «Динамо» - я. Встретились мы с ним в зале и сели рядом. По завершении официальной части совещания его ведущий - секретарь райкома партии сообщил о том, что присутствующему в зале легендарному футболисту, заслуженному мастеру спорта СССР, патриарху команды мастеров тбилисского «Динамо» Михаилу Бердзенишвили исполняется 60 лет! Зал, конечно, взорвался аплодисментами, многие не знали, что юбиляр находится в зале. Взоры были обращены к этому немолодому, высокому, атлетического телосложения и приятной внешности мужчине. Многие участники совещания, особенно представители старшего поколения помнили грозу вратарей Михаила Бердзенишвили, который отличался мощным ударом как правой, так и левой ногой, а также был признан лучшим исполнителем 11-метрового штрафного удара - пенальти. Я обнял Михаила Ираклиевича и тоже поздравил. Нам до «Динамо» идти было не более 15 минут. Возвращались пешком. Михаил Ираклиевич удивлялся, что так незаметно прошли эти годы после завершения футбольной карьеры. Да, сегодня в свои 80 с лишним я понимаю, что годы действительно галопируют. А тогдашние 60 лет Михаила Бердзенишвили, как и 60-летие Бориса Пайчадзе, с высоты моих сегодняшних лет представляются возрастом молодого человека.

...Тамадой на пайчадзевском юбилее был яркий, неподражаемый киноактер и любимец публики Давид (Додо) Абашидзе! В фильме «Первая ласточка» грузинского кинорежиссера Наны Мчедлидзе, действие которого происходит в Потии, портовом городе Черноморского побережья Грузии, Додо Абашидзе исполняет роль местного горожанина Ясона, главного героя кинокартины, идейного предводителя и лучшего бомбардира команды. Эта уникальная кинолента представляет собой летопись, футбольную хронику о том, как жители грузинской провинции познакомились с новой для них игрой - футболом и повествует о зарождении этой игры в Грузии.

Режиссер фильма Нана Мчедлидзе (1916-2016), в знак всенародной любви и большого уважения к Борису Соломоновичу со стороны любителей футбола, особенно - молодого поколения, решила запечатлеть его образ в роли морского капитана, активного участника развития футбола в Грузии, а конкретно в Потии - городе, который по справедливости считается колыбелью грузинского футбола. На память о юбилейной встрече у меня сохранилась книга о Борисе Пайчадзе, написанная знатоком футбольной истории, замечательным журналистом Отаром Гагуа. На ее титульном листе - автографы легендарных футболистов Грузии, самого батони Отари, автора книги, и тамады Додо Абашидзе. Я

порекомендовал бы молодым людям, всем, кому дорог грузинский футбол и его будущее, прочитать эту книгу, а Федерации футбола Грузии - переиздать ее. О Борисе Соломоновиче Пайчадзе писали не только специалисты, журналисты, писатели и коллеги «по цеху», но и представители творческой интеллигенции бывшего Советского Союза. Примечательно, что каждый из них с душевной теплотой и большой любовью вспоминает этого выдающегося футболиста XX столетия. Замечательную личность и человека. Нет сомнения в том, что многим знакомы цитаты ниже перечисленных авторов, но я хочу повторить некоторые фрагменты из этих высказываний.

Знаменитый футбольный журна-

лист, крупнейший аналитик советского футбола Лев Филатов (1919-1997) в своей книге «Форварды» напоминает о том, что с именем Бориса Пайчадзе связано появление амплуа «блуждающего форварда». Во времена классического «дубль-ве» это было смелым новшеством... «Он (Пайчадзе) играл не столько по заданию, сколько по ситуации, что позволительно, когда игрок наделен безошибочной интуицией... Все, что он делал, было разумно, экономно, вело к цели».

Корректной игрой Бориса Пайчадзе и его изящным мастерством обводки нельзя было не восторгаться. «Дорогой Борис Соломонович! Хотя я не знаком с Вами, хочу приветствовать Вас как большого мастера, игра которого всегда доставляет истинное наслаждение. Буду рад, если смогу быть Вам полезен. Я композитор, мой

адрес: Ленинград, 101, Большая Приморская, 59. Дружески жму руку, Дмитрий Шостакович». Нуждаются ли эти слова в комментариях? Один из классиков детской советской литературы Лев Кассиль (1905-1970) писал: «Выдержанный, сообразительный, находчивый, он радовал зрителя неожиданными сильными рывками, изящными комбинациями, подлинно спортивным поведением на поле. Мы привыкли видеть его таким же скромным, собранным,

волевым и безукоризненно тактичным и вне поля...».

Особо следует выделить оценку, данную Борису Пайчадзе, выдающимся специалистом по футболу и, как говорили тогда, не очень щедрым на похвалу человеком - Борисом Андреевичем Аркадьевым (1899 - 1986): «Грузинский футбол дал целую плеяду замечательных игроков. Наиболее выдающимся, бесспорно, был Борис Пайчадзе, обладавший полным комплексом качеств, необходимых для игрока атаки... Ко всему этому следует добавить, что Борис Пайчадзе был исключительно корректным, никогда не терявшим чувства товарищества по отношению к сопернику даже в самой жаркой спортивной борьбе».

«Борис Пайчадзе - уникальное явление в нашем футболе, - говорил выдающийся советский футболист Григорий Федотов (1916-1957). - Этот спортсмен неповторим, как неповторимы и непредсказуемы его действия в игре. Это яркий и самобытный талант...»

«Пайчадзе вошел в историю советского футбола как один из самых талантливых нападающих со своим самобытным почерком, своим пониманием игры, своими взглядами на тактическую эволюцию. Он решительно ломал все старое, косное, мешающее развитию игры», - писал известный журналист Мартын Мержанов.

Патриарх советского футбола Николай Петрович Старостин (1902 - 1996) в своей книге «Звезды большого футбола» не поспешил на добрые слова в адрес Бориса Соломоновича: «Его светлый талант, - напоминает Николай Петрович, - проявлялся в безупречном завершении сложных комбинаций у чужих ворот... Изящный и корректный, он вызывал невольные симпатии даже у своих персональных противников на поле... Невозможно было играть грубо против того подкупающего благородства, с которым действовал на поле и переносил «бестактность» этот молодой грузин... Не один камень заложил он в тот фундамент, на котором выросло мастерство грузинских футболистов, позволившее тбилисскому «Динамо» в 1964 году завоевать звание чемпиона Советского Союза».

За «плечами» спортивного журналиста Юрия Ильича Ваньята (1913-1992) семь чемпионатов мира по футболу и 28 - по хоккею. Он работал на восьми олимпийских Играх и стольких же и всемирных хоккейных турнирах, освещал все чемпионаты СССР по футболу и хоккею. Оценки, которые он дает любому спортсмену, особенно футболисту, дорогого стоят: «В 1936 году взойшла звезда романтической тифлисской команды «Динамо»... Вот в ту пору и засверкало на всю страну имя рыцаря футбольной игры, искрометного центрфорварда Бориса Пайчадзе. «Раскусить», понять его игру защитникам было почти невозможно... Еще один финт - и позиция соперников вскрыта, развалена, смята. Это и был Пайчадзе!».

Маститый грузинский журналист Владимир Мдивани считает, что первые успехи тбилисского «Динамо» на чемпионатах Советского Союза и имя Бориса Пайчадзе неразрывно связаны: «...Великое счастье выпало на долю этого футболиста. Неотделимый от славы команды и прославленный сам, ровесник ее первоначальных успехов, он стал живым олицетворением, символом всего лучшего в грузинском футболе», - написал журналист.

Знаком искренней любви грузинского народа к Пайчадзе, славных памятником ему стал родной стадион «Динамо», директором которого долгие годы был сам Борис Соломонович.

Стадион был одним из лучших произведений выдающегося архитектора Грузии, лауреата Сталинской премии Арчила Курдиани. Любители спорта и футбола моего поколения, наверное, помнят стадион «Динамо», построенный в середине 30-х годов прошлого столетия. Он по справедливости считался замечательным образцом новой грузинской архитектуры, первым крупным спортивным сооружением в республике - и при этом одним из лучших в Советском Союзе. Можно сказать, что по тем временам это был громадный спортивный комплекс. Под трибунами стадиона, в спортивных залах и бассейне одновременно могли тренироваться представители более чем 15-и видов спорта, а также группы здоровья. И все это огромное хозяйство слаженно функционировало многие годы под неусыпным оком неувядаемого Бориса Соломоновича.

МОЙ И НАШ ПАСТЕРНАК

«Вы были всем, что я любил и видел!»

Бориса Пастернака с Тбилиси связывало многое. Это и дружба с Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Ладом Гудиашвили, и стихи о Грузии, написанные во время его приездов, и переводы многих грузинских поэтов в то время, когда двери издательств в России были для него закрыты.

С детских лет все мы впитывали строки Бараташвили не только на грузинском, но и на русском, — через неповторимые пастернаковские ассоциации. «Цвет небесный, синий цвет...» или «Крик беркутов заменит певчих хор...». И «Вперед! Я слаб, но ничего не значит. Вперед мой конь скачи во весь опор» — из знаменитого «Мерани».

Впервые Борис Пастернак попал в Грузию летом 1931 г. и не уставал очаровываться этой землей. Узкие улочки старого Тифлиса с радушным грузинским народом, неприступная красота гор превратили полгода, проведенные в Грузии, в сплошной праздник.

В следующий раз Пастернак попал в Грузию в 1933 г. и заболев в дороге, лечился вином и теплом грузинских друзей. Из письма жене: «Вчера на обеде в Кутаиси нами было выпито 116 литров!!! Все почти больны от этого времяпрепровождения».

Грузия стала для поэта второй родиной, он не упускал возможности приехать в Тифлис, где отдыхал душой. Сборник, изданный после первого визита в Грузию, назывался «Второе рождение».

Поэт вернулся в Москву удивительно счастливым. В 1934 г. был издан его перевод поэмы Важа Пшавела «Змеед». Страсть Пастернака к переводам грузинских поэтов раздражала коллег: «В полном собрании сочинений Пастернака будет 12 томов переводов и 1 том собственных сочинений», — иронизировал Мандельштам.

Паоло Яшвили и Тициана Табидзе Пастернак считал их больше, чем друзьями — кровными братьями, духовными двойниками, называл их «богами своей жизни».

1937 год унес жизни Тициана и Паоло. Скорбь Пастернака надломил его. Он говорил, что ему стыдно без друзей «продолжать двигаться, разговаривать и улыбаться».

В 1945-м Грузия вновь позвала поэта. И случилось странное — он не захотел ехать. Боялся увидеть тени своих умерших друзей, горечи и пустого города любимых призраков.

В последний раз Пастернак приехал в Грузию за год до своей кончины — зимой 1959 г. Тифлис был другим, даже назывался иначе — Тбилиси. Города близки нам не улицами, а любимыми людьми, ходящими по этим улицам — в ту пору таковых для Пастернака уже не осталось.

«Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмём подножьем,
И мы получим этот край».

Очень символично, что первые главы «Доктора Живаго» Пастернак стал писать на бумаге цвета слоновой кости, оставшейся от Тициана Табидзе, которую ему передала вдова поэта. Когда этот роман вышел на западе и началась дикая травля Пастернака, в Грузии издали его книгу «Стихи о Грузии. Грузинские поэты. Избранные переводы». Не побоялись — любовь Грузии и Пастернака была взаимной.

Пастернака я не читал... в детстве. Впервые столкнулся с его стихами в классе шестом или седьмом в самиздатской «Автобиографии» Евтушенко, изданной во Франции. Это была Бог знает какая машинописная копия,

заботливо переплетенная, несмотря на все риски этого процесса в то время. Евтушенко в свой текст вкрапил несколько четверостиший Пастернака — так началось мое с ним знакомство.

В 1965 г. Дэвид Линн сделал первую экранизацию романа с Джули Кристи и Омаром Шарифом. В СССР роман был запрещен — фильм тем более. Само имя автора старались не произносить.

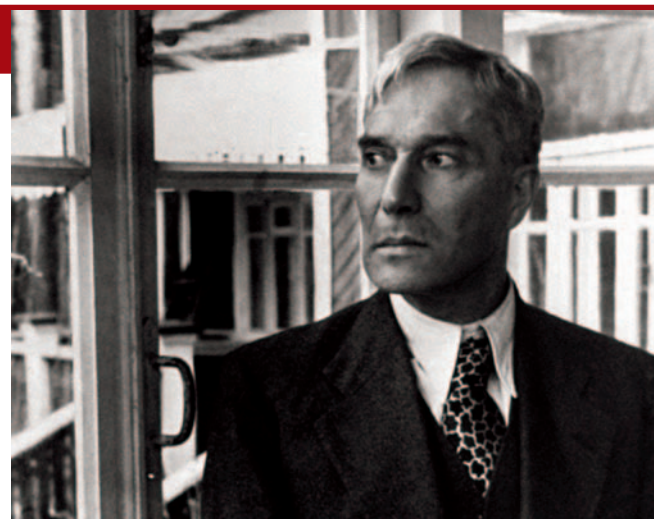

Книгу еще можно было прочесть, с большим риском все-таки ее провозили через границу. Помню большую красную звезду на обложке покетбука, на несколько дней оказавшегося у нас дома. А вот фильм, думали, никогда не увидим. Во время каждого мирового или европейского чемпионата по фигурному катанию, когда звучала музыка Мориса Жара из этого фильма, обычно

тараторивший без умолку комментатор, куда-то пропал, а сидящие у экрана многозначительно переглядывались — это ж музыка из...

Потом, когда пал железный занавес, фильм стали показывать. Многих раздражали голливудские штампы о жизни в России, но игра актеров была прекрасна, им удалось передать то, о чем сам Пастернак написал в «Нобелевской премии»: «Я весь мир заставил плакать над красой земли моей». А насчет штампов — так и сам роман его критики — от Солженицына до Набокова — называли «стилизованной эссенцией России» с ее самоварами, религиозными праздниками, рождественскими елками, ночными беседами.

В 2005 году Александр Прошкин снял русский сериал «Доктора Живаго» — с Олегом Меньшиковым, Чулпан Хаматовой и Олегом Янковским. Его не критиковал только ленивый — и сюжет исказили, и Живаго не тот, и Хаматова — не Лара. Правда, некоторые видели в этом плюс. «Сценаристу — писал Дмитрий Быков, — пришлось дополнять текст диалогами, которых нет у Пастернака, и которые должны были сделать героев более понятными зрителю. Характеры вышли иными, но не менее интересными. И все же та магия, которая заставляет сопереживать героям, исчезла, может, из-за излишней детализации, сохранения многих второстепенных персонажей, отвлекших от главной линии сюжета».

И, наконец, еще один «Живаго» 2002 года, снятый Джакомо Компюотти по сценарию Эндрю Девиса с Хансом Мэтисоном, Кирой Найтли и Сэмом Нилом. Этот британский мини-сериал прошел незаметно. Начинаешь его смотреть, ничего от него не ожидая, просто из интереса, как могла 17-летняя Кира Найтли справиться с ролью Лары.

И вдруг, осознаешь, что фильм «цепляет» и Кира в роли Лары вполне убедительна — несмотря на свой юный возраст. Слабым звеном в начале был Медисон в роли Живаго, но к концу и он достиг нужной «живаговской» кондиции. Режиссеру удалось сохранить дух романа, создать ту химию, которая заставляет зрителя чувствовать себя на месте героев, пытаться понять их поступки. Словом, в сериале этом по-пастернаковски «дышит почва и судьба».

Сравнивать три фильма, пожалуй, не стоит. Экранизировать этот роман с его рыхлой текстовой тканью, поэтическим видением реального мира, минимизированными диалогами — сложно. Ведь это не роман, а род автобиографии, как отмечал академик Д.С.Лихачев, где главная цель автора — раскрыть свой внутренний мир. Сценаристу приходится чем-то жертвовать, смещать акценты, образно говоря, наполнять бестелесные сущности, плотью и кровью. Поэтому и получаются такие разные Лары, Живаго, Комаровские. И каждый решает для себя, какой из этих триплетов ему ближе.

Можно по-разному относиться к роману Пастернака. Пожалуй, это прозаический подстрочник к гениальным стихам, которыми заканчивается рассказ о Юрии Живаго. Кстати, по-моему, это единственный случай в мировой литературе, когда целый роман является прелюдией к стихам. И лучшими словами, выражающими мое предвзятое к нему отношение, являются строки того же Пастернака, посвященные когда-то Паоло Яшвили.

«За прошлого порог не вносят произвола.
Давайте с первых строк обнимемся, Паоло!
Ни разу властью схем я близких не обидел,
В те дни вы были всем, что я любил и видел.
Входили ль мы в квартал оружия, кож и седел,
Везде ваш дух витал и мною верховодил.
Уступами террас из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ и слушал, рот разиня,
Не зная ваших строк, но полюбив источник,
Я понимал без слов Ваш будущий подстрочник»

Константин АТОЕВ.

На снимках: Борис Пастернак: афиша к фильму «Доктор Живаго» Александра Прошкина; кадр из фильма Джакомо Компюотти; рис: портрет Пастернака работы Л.Гудиашвили; Пастернак и Тициан; Паоло Яшвили; Тициан Табидзе.

ПРИМЕЧАНИЕ: В логотипе приложения (стр.1) — изображения равноапостольных святых: царя Мириана и царицы Наны, а также великого князя Владимира и великой княгини Ольги, при которых в Грузии (IV в.) и на Руси (X в.) приняли христианство.